

—

Несмотря на все причуды императора, указ был издан, и отправление Цзун Цина в Лянчжоу стало неизбежным.

Получив указ, Сяо Шань специально отправился во дворец не просто так, а чтобы сообщить императору, что он хочет взять с собой Се Чжуй в Лянчжоу. Взять Се Чжуй напрямую было бы возможно, но это повлекло бы за собой слишком много проблем, легко могли бы быть обвинения.

Ему было лень спорить с этими придирчивыми цензорами.

Если бы это дело было одобрено императором, то цензорам нечего было бы сказать.

Император, услышав его просьбу, поднял брови: «Ты едешь в Цзяннань расследовать дело и ещё берёшь с собой семью?»

Сяо Шань с серьёзным лицом сказал: «Отец-император, я еду не расследовать дело с семьёй, а расследовать дело с Се Чжуй. Се Чжуй убивал врагов на поле боя, а я, по сравнению с ним, беззащитен. Если возникнет опасность, он сможет защитить меня».

«Ха», — услышав такое, император холодно усмехнулся дважды. «Тебе не стыдно говорить такую чушь? Подумай о нашей Великой Чжоу, разве не мужчины защищают своих супругов? А у тебя всё наоборот? О, значит, только Се Чжуй должен тебя защищать? А ты не можешь его защитить? И потом, разве те сопровождающие охранники не смогут тебя защитить?»

«Отец-император, это не то же самое». Сяо Шань даже не нахмурился, притворившись, что не слышал сарказма императора. Он красноречиво сказал: «Се Чжуй — мой супруг, его глаза всегда будут следить за мной. Если возникнет опасность, он наверняка первым её обнаружит. Сопровождающим охранникам нужно защищать слишком много людей. Даже если я боюсь смерти, я не могу позволить им смотреть только на меня, не заботясь о безопасности господина Цзуна».

«Что касается того, кто кого защищает, я и Се Чжуй — муж и жена, одно целое, неважно, кто кого защищает».

Император скривил рот и подумал: «Какой бесстыдный!»

И способность Сяо Шаня говорить чушь, глядя в глаза, становилась всё сильнее.

Очевидно, он хотел взять Се Чжуя на прогулку, но смог найти такое оригинальное оправдание.

Непросто, действительно непросто.

Сяо Шань, видя, что его отношение смягчилось, тут же подлил масла в огонь: «Отец-император, просто согласитесь на эту мелочь».

Император знал, что если он не согласится, Сяо Шань сможет просидеть у него до полудня, и в конце концов он всё равно согласится, страдая от шума.

Поэтому он махнул рукой и сказал: «Ладно, я согласился. Но ты, будучи принцем, впервые выезжаешь из столицы по делам. В Лянчжоу сам решай, что можно делать, а что нельзя. Я не хочу, чтобы ты ещё не вернулся в столицу, а стол уже был завален докладами с обвинениями против тебя».

На эти намёки императора Сяо Шань с улыбкой ответил: «Отец-император, вы ещё не знаете моего характера. Я всегда действую честно и открыто и совсем не боюсь этих надуманных обвинений».

Видя, что он принял его добрые намерения за ослиную печень, император почувствовал боль в сердце и тут же не захотел говорить с ним ни слова, неоднократно махая рукой: «Я уже согласился на твою просьбу, иди из дворца».

Сяо Шань, добившись желаемого, с радостным настроением вышел из дворца Цяньмин.

Вскоре евнух доложил, что Сяо Шань, выйдя из дворца, сразу не пошёл во дворец Цзинлань, а отправился в Восточный дворец.

Император, услышав это, тихо хмыкнул: «Я знал, что он неуравновешен».

Чан Лэ рядом с улыбкой сказал: «Его Высочество прямолинеен и никогда не скрывает своих намерений». Если бы это был кто-то другой, разве стал бы он встречаться с наследным принцем в такое время? Что, если император заподозрит, что они хотят договориться о мерах, чтобы скрыть преступления Лю Цзинсюаня?

Но Сяо Шань не таков. Он был в хороших отношениях с Сяо Цзинем и никогда ничего не скрывал, прощаясь, он всегда поступал открыто и честно.

Он совсем не беспокоился о подозрениях.

Император, вспомнив характер Сяо Шаня, хмыкнул: «С детства у него был такой упрямый характер. Если бы он научился скрывать, то это был бы уже не он».

Чан Лэ вторил императору.

Чан Лэ прекрасно понимал: хоть император и постоянно ворчал, характер Сяо Шаня ему нравился.

—

Сяо Шаню было всё равно, нравилось это императору или нет, перед отъездом он, конечно же, должен был встретиться с Сяо Цзинем.

Когда он пришёл в Восточный дворец, Сяо Цзинь уже ждал его — это было молчаливое взаимопонимание между братьями.

Лю Цзинь не появилась, неизвестно, по своему ли желанию, или Сяо Цзинь не позволил ей.

Но так было даже лучше, ведь в такой момент её встреча с Сяо Шанем, говорила ли она что-то или нет, не имела значения.

Сяо Цзинь предложил Сяо Шаню сесть, и, недовольно взглянув на него, сказал: «Указ уже издан, ты сейчас не дома собираешь вещи, а пришёл во дворец, специально напрашиваясь на ругань, не так ли?»

Сяо Шань отпил чаю и сказал: «Отец-император ругает меня одними и теми же двумя фразами, без новых слов. Для меня это ничего не значит, я уже привык. К тому же, сегодня я пришёл во дворец по делу, так что меня не будут ругать».

Сяо Цзинь тоже отпил чаю, у него были свои заботы, и на лице его было тяжёлое выражение.

Выпив чашку чая, он, глядя на Сяо Шаня, с глубоким смыслом сказал: «Мне беспокойно из-за того, что ты едешь в Лянчжоу. Перед отъездом скажу тебе лишь одно: если этот Лю Цзинсюань ничего не совершил, то пусть так и будет. Но если он действительно совершил преступление, ни в коем случае нельзя скрывать его, нарушая запрет».

С Цзун Цином, который следил за ним, если бы Сяо Шань поступил хоть немного несправедливо, император узнал бы об этом немедленно.

Сяо Шань кивнул: «Второй брат, не волнуйся. Если он действительно совершил преступление, я не только не буду его скрывать, но и лично побью его».

Сяо Цзинь: «...»

Он с трудом сказал: «И этого тоже не нужно. Ты принц, разве ты можешь действовать лично? Если новости дойдут до столицы, доклады цензоров, боюсь, будут сыпаться на стол отца-императора, как снег».

Сяо Шань прищурил глаза и рассмеялся, его улыбка была лучезарной. Он сказал Сяо Цзиню: «Второй брат, успокойся, я знаю меру в своих поступках».

Сяо Цзинь совсем не успокоился, и его тяжёлое настроение полностью сменилось тревогой.

Он боялся, что Лю Цзинсюань действительно совершил преступление и что Сяо Шань забьёт его до смерти, прежде чем его доставят обратно в столицу.

Сяо Цзинь очень хорошо понимал, что если Сяо Шань действительно применит силу, то это будет сделано за него.

Если Лю Цзинсюань действительно совершил те преступления, о которых говорится в докладе Ван Синя, то, даже будучи наследным принцем, несмотря на милость императора и поддержку чиновников, репутация Сяо Цзиня всё равно пострадает.

Сяо Шань не стал много думать, он посидел ещё немного, выпил чаю, съел два мандарина, затем хлопнул в ладоши и встал, сказав: «Второй брат, время позднее, я пойду собираться».

Сяо Цзинь не стал его останавливать, а лично проводил до дверей.

Видя, что Сяо Цзинь хочет продолжать провожать, Сяо Шань сказал: «Второй брат, если ты ещё немного проводишь меня, то ты проводишь меня до ворот дворца. Второй брат, не волнуйся, я еду расследовать дело, а не на смерть...»

Не успел он договорить, как лицо Сяо Цзиня изменилось. Он дважды сплюнул в сторону, а затем в его глазах появился гнев: «Что ты такое несёшь? Собираясь в дальнюю дорогу, как можно говорить такие недобрые слова? Ты хочешь, чтобы я в столице нервничал и плохо себя чувствовал, да?»

Видя, что он действительно рассердился, и его лицо покраснело от гнева, Сяо Шань поспешно сказал: «Второй брат, не сердись, это я болтун, говорю всякую ерунду. Тьфу-тьфу-тьфу, пусть эти слова считаются несказанными. Я обещаю, что в поездке в Лянчжоу у меня не упадёт ни единого волоска. Если не веришь, сосчитай, когда я вернусь».

Сяо Цзинь, видя, что он получил урок и искренне раскаивается, смягчил своё недовольное выражение лица и сказал: «В следующий раз, если осмелишься так болтать, я доложу отцу-императору, чтобы он тебя хорошенько проучил».

«Не осмелюсь, не осмелюсь», — сказал Сяо Шань и тут же ускользнул.

Только когда его спина исчезла, Сяо Цзинь повернулся и вернулся.

Постояв немного в передней, он отправился в задний двор.

В это время Лю Цзинь прогуливалась по саду, её фигура всё ещё была стройной, и сзади невозможно было понять, что она беременна.

Лишь когда случайный порыв ветра обдувал её, и одежда плотно прилегла к животу, можно было заметить её слегка выпуклый животик.

Сяо Цзинь стоял и смотрел на неё, думая о том, не будет ли это спокойствие нарушено в будущем.

В это время Лю Цзинь словно что-то почувствовала, она повернулась в сторону, где стоял Сяо Цзинь, и, когда её взгляд упал на него, она слегка вздрогнула, а затем легко улыбнулась.

Сяо Цзинь подавил все свои мысли и пошёл к Лю Цзинь.

Как бы ни было в будущем, по крайней мере, сейчас всё было спокойно.

—

Наложница Лань всё время ждала прибытия Сяо Шаня.

Она хотела дать Сяо Шаню несколько наставлений. Как ни крути, Лю Цзинсюань был братом Тайцзы Фэй, и если была возможность его пощадить, то нужно было пощадить.

Наложница Лань в последнее время была очень огорчена из-за дела старого господина Гу.

Ей хотелось что-то предпринять.

Но она ждала и ждала, а он так и не пришёл.

Услышав, что Сяо Шань уже покинул дворец, наложница Лань тут же расплакалась.

Её сын, собираясь в дальнюю дорогу, даже не подумал с ней попрощаться.

—

Сяо Шань вернулся в княжеский дворец и позвал Се Чжюя собирать вещи.

Се Чжуй, услышав это, понял, что совместное путешествие состоится. Его сердце наполнилось радостью, и он поспешно последовал за Сяо Шанем в комнату.

На самом деле у Се Чжюя было не так уж много вещей.

Когда он только пришёл в поместье князя Ли, он совсем не думал, что останется надолго, к тому же у него не было старших родственников, поэтому, помимо одежды, всё остальное было подарками от Министерства обрядов и княжеского поместья.

В конце концов, Сяо Шань посмотрел на свои несколько сундуков с вещами, а затем на маленький сундучок у ног Се Чжюя. Он вдруг почувствовал себя немного виноватым, ведь за столько дней, как они стали супругами, он ни разу не купил Се Чжюю ничего.

Это было совершенно непростительно.

Как только они прибудут в Лянчжоу и закончат дело Лю Цзинсюаня, он обязательно возьмёт Се Чжюя на прогулку по Цзяннани, чтобы увидеть её прекрасные пейзажи. Используя личные деньги, данные императором, он будет тратить их налево и направо, покупая всё, что Се Чжуй захочет.

Се Чжуй, естественно, не знал, о чём думает Сяо Шань. Если бы он знал, то сказал бы, что ему достаточно своих вещей.

Приготовившись, на следующий день они вдвоём с Цзун Цином покинули столицу.

Сяо Жун, услышав эту новость, сначала холодно усмехнулся, а затем на его лице появилось некоторое ликование.

В тот день он поспешно вышел из дворца, нашёл Гу Гуана и рассказал ему о случившемся.

Гу Гуан тогда, не обращая внимания на статус князя Жюя, с разочарованием прямо сказал: «Ваше Высочество, вы слишком поспешили». Только получив известие, он тут же побежал во дворец. В глазах других это выглядело так, будто он хотел прямо задавить наследного принца.

Впоследствии он также выразил желание отправиться в Лянчжоу для рассмотрения этого дела. С точки зрения императора, у Сяо Жуна не только были мысли о подавлении наследного принца, но он также нетерпеливо стремился воплотить их в жизнь.

Учитывая отношение императора к наследного принцу, если бы он не был глуп, то это дело вообще не состоялось бы.

И вот, отправлен был Сяо Шань, а Сяо Жун даже близко к делу не подобрался.

По мнению Гу Гуана, когда этот доклад попал к нему, он должен был привести человека, подавшего доклад, вместе с ним во дворец к императору, а затем Сяо Жун просто стоял бы там и слушал, не говоря ни слова.

Но Сяо Жун так отчаянно хотел уничтожить наследного принца, и император не мог поверить, что тот будет тщательно расследовать дело после поездки в Лянчжоу.

Гу Гуану, будучи тестем Сяо Жуна, было неудобно говорить это прямо. В конце концов, он мог только успокоить Сяо Жуна: «Это всё из-за того, что князь Ли был слишком высокомерен и наглым образом перехватил вашу заслугу перед Его Величеством. Теперь, Ваше Высочество, потерпите немного. Если Сяо Шань действительно обнаружит, что Лю Цзинсюань виновен, это повредит его отношениям с наследным принцем. Если же он ничего не обнаружит, то князь изначально уже выразил свою позицию перед Его Величеством, так что потерь не будет».

Что касается слов императора, обращённых к Сяо Жуну, не стоит слишком принимать их близко к сердцу.

В любом случае, у них не было никаких отношений с Ван Синем, и они не приказывали Ван Синю подавать доклад. Это дело можно было позволить императору расследовать.

Всё равно до них не доберутся.

Однако, почему Ван Синь отправил письмо в поместье князя Жуя, это им тоже нужно выяснить, не пытался ли кто-то подставить Сяо Жуна.

Сяо Жун, выслушав анализ Гу Гуана, посчитал его разумным и с трудом успокоился.

Сегодня, услышав об отъезде Сяо Шаня, он сначала подумал, что тот наступает ему на пятки, забираясь в Лянчжоу, и ему стало не по себе, он тут же захотел найти кого-нибудь, чтобы на полпути зарубить Сяо Шаня.

Затем он подумал, что отъезд Сяо Шаня означает, что ему не придётся видеть это бедствие в столице в течение долгого времени. Это было великое событие, которое должен был отметить весь мир.

Поэтому Сяо Жун испытывал по этому поводу и печаль, и гнев, и радость.

Не только он, но и Сяо И с Сяо Сянем во дворце вздохнули с облегчением, услышав об этом.

Сяо И главным образом боялся рта Сяо Шаня. Стоило этому человеку заговорить, как он, ещё

не разобравшись в чём дело, сразу чувствовал гнев императора, что было просто несправедливо. Сяо И обычно старался избегать Сяо Шаня и не раздражать его.

Сяо Сянь же думал: без этого мерзавца Сяо Шаня он снова сможет стать самым любимым сыном императора. Если он смягчит голос и будет вести себя как избалованный ребёнок, то его не будет публично высмеивать этот мерзавец Сяо Шань, говоря, что он не отлучен от груди.

Из всех принцев только Сяо Цзинь беспокоился.

—

А Сяо Шань, о котором так пеклись принцы, вскоре после отъезда из столицы встретил Се Чэня, который направлялся в Цзяннань в поисках знаменитого лекаря.

Се Чэнь в этот раз уехал, забрав почти всех слуг из поместья Се.

В поместье Се в столице остался только один управляющий, одна кухарка и несколько служанок и слуг.

Без хозяев поместье Се было просто закрыто для посетителей.

Те, кто хотел расправиться с Се Чэнем после отъезда Сяо Шаня и Се Чжуйя, видя такую ситуацию, замолчали.

Се Чэнь был не прост, его умение «вытягивать хвост из-под котла» было просто потрясающим.

'Случайно' встретив Се Чэня, Сяо Шань, естественно, не мог позволить ему отправиться в Цзяннань в одиночку, поэтому все пошли вместе.

Через пять дней после выезда из столицы он, Се Чжуй, Се Чэнь и Цзун Цин тайно покинули основную группу и сели на торговое судно, направляющееся в Цзяннань.

Сяо Шань был очень недоволен тем, что их четверо. Изначально он хотел плыть на лодке только с Се Чжуйем, взяв с собой лишь нескольких переодетых телохранителей. Но Цзун Цин настоял на том, чтобы поехать с ними. А раз Цзун Цин едет, то он не мог оставить Се Чэня одного.

Сяо Шань, естественно, не хотел, чтобы Цзун Цин ехал с ним, но как только он выразил свои мысли, Цзун Цин с бесстрастным лицом сказал: «Император приказал мне постоянно следить за князем, Ваше Высочество, не заставляйте меня затрудняться».

Сяо Шань ничего не мог поделать с прямолинейным господином Цзунем и просто согласился.

Но прежде чем четверо поднялись на борт, Сяо Шань не удержался и снова поборолся, он оглядел голову Цзун Цина и сказал: «Господин Цзун, вам не кажется, что свет на вашей голове слишком яркий?» Если бы Цзун Цин согласился вернуться к основной группе, он мог бы попросить его позаботиться о Се Чэне...

К сожалению, Цзун Цин не понял, его лицо было странным, и он сказал слово в слово: «Ваше Высочество, не шутите». Откуда на голове у человека может быть свет?

Се Чэнь стоял рядом и лишь улыбался, не говоря ни слова.

Сяо Шань глубоко вздохнул и, взяв Се Чжуй за руку, поднялся на корабль.

Раз уж едут, то пусть едут, что один, что двое.

Однако вскоре после начала движения корабля Сяо Шаня уже ничего не интересовало.

Впервые он узнал, что его укачивает.

Вначале всё было хорошо, но через полчаса после того, как корабль отплыл, он больше не мог терпеть, его желудок сильно бурлил.

Се Чжуй, увидев, как сильно побледнело его лицо, поспешно помог ему войти в каюту и лечь.

Сяо Шань посмотрел на каюту и пробормотал: «Летающее в небе, бегающее по земле, но кто бы мог подумать, что я споткнусь о то, что плавает в воде».

На этот раз Се Чжуй ясно слышал его слова, но не понял. Он крепко сжал руку Сяо Шаня и сказал: «Ваше Высочество, я позову врача».

В этот раз, выезжая из столицы, с ними был врач, но из опасения, что информация просочится, врач остался с Цзи Анем, который притворялся Сяо Шанем.

Но, к счастью, у Се Чэня всегда был с собой врач, так что это не было проблемой.

Возможно, из-за того, что он редко сталкивался с чем-то, что его затрудняло, Сяо Шань совсем не хотел, чтобы Се Чжуй уходил.

Он сказал: «Врач придёт, чтобы дать лекарство, но сейчас пить лекарство равносильно убийству. Просто полежи со мной немного, и всё будет хорошо».

Се Чжуй на самом деле хотел сказать, что у врача есть много способов облегчить его страдания, но, видя Сяо Шаня в таком состоянии, он просто не мог сдвинуться с места.

Поэтому он лёг рядом с Сяо Шанем.

Условия здесь, естественно, не сравнятся с поместьем князя, не говоря уже о том, что кровать была вдвое меньше.

Они лежали тесно прижавшись друг к другу. В это время было очень жарко, но никто из них не двигался.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Сяо Шань уснул под покачивание корабля.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282521>